

... Семеро детей, пятнадцать внуков и 21 правнук у Ивана Николаевича и Екатерины Михайловны Рубановых. Если учесть всех снох и зятьев, то численность этой удивительной семьи сразу многократно увеличится. В прошлом, 1996 году, исполнилось 60 лет их супружества. Кажется, на современном matrimониальном языке это называется — бриллиантовая свадьба. Нынешний, 1997 год, для «бриллиантовой» четы — год бесконечных юбилеев. В январе достигли «золотого» возраста дочь Валентина и ее муж Владимир. В мае исполнится 80 лет самой Екатерине Михайловне, а в июне будет 60 старшему сыну, Герою Социалистического Труда, бывшему сталевару Анатолию Рубанову — главному герою моего «Монолога»...

Я не случайно в канун 65-й годовщины комбината выбрала именно его. Анатолий Иванович или, как мы его называли между собой, Толя Рубанов, действительно был самым главным героем моей юности. И не только потому, что когда-то жил на Флюсовой и, как все мы, учился в Агаповской средней школе № 2. Для нас был важнее тот факт, что он — старший брат нашей одноклассницы Вали Рубановой, а значит, реальное, живое воплощение наших восторженных романтических грез, кумир, которого можно не только слышать и лицезреть, но иногда еще и незаметно, как бы невзначай, коснуться его плеча рукавом пальто...

Выпускники 1964-го, да, наверное, и не только мы, все до единой были тайно влюблены в Толю Рубанова, особенно после того памятного вечера в школе...

Мы учились в десятом классе, когда учителя в плане профориентации организовали для нас встречу с уже известным сталеваром, нашим земляком Анатолием Рубановым. Помню, как он стоял перед нами, шестнадцатилетними, — высокий, красивый, как киноактер, взрослый, и был поначалу как будто несколько смущен и скован устремленными на него со всех сторон взглядами. Он рассказывал нам о комбинате и своих товарищах-металлургах и, все больше увлекаясь, совсем забыл о недавней скованности. Он так красочно и живописно рисовал в нашем воображении реки огненного металла, вдохновенный труд мужественных, сильных и надежных мужчин, что многим из нас захотелось стать металлургами. Я, помнится, когда подошло время вопросов, спросила, а может ли девушка стать сталеваром, чем развеселила не только нашего гостя, но и надолго стала предметом для шуток в своем классе...

А через два года Анатолию Рубанову было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Как мы гордились этим званием! И ощущение торжественности и ответственности этого момента, нашей причастности было столь ярким, словно это не он, а мы сами — каждая из нас! — получили такую высокую награду за труд. Это отложило отпечаток на жизнь каждого из нас. Благородный, патристический, окрыляющий отпечаток... Среди моих одноклассников нет пустых, ничемных людей, каждый сложился, как личность. Но это — отдельный разговор, хотя, думаю, семья Рубановых была серьезным примером для многих из нас.

Все Рубановы — на редкость красивые люди. Глава семьи — Иван Николаевич — уральский казак из Наваринки. Женится рано, в восемнадцать лет безоглядно влюбившись в чернооку Катерину. Безродную по старым казачьим понятиям. Она же, Екатерина Михайловна, в Наваринку попала случайно. Ее семья жила в Оренбуржье. Отец, пообещав прислать деньги, уехал куда-то на Кавказ, оставив мать с тремя детьми, и надолго забыл про них. Появился, когда Кате было лет 15, и, увидев, в какую красавицу вырастает старшая дочь, вознамерился увезти ее с собой, да мать не отдала: сам мотайся, как цыган, а детей с пути не сбивай. Но через некоторое время сама же отпустила дочку с родным дядькой на строительство Магнитки: голод косил оренбургских крестьян, в Магнитке же, по слухам, жить было можно.

Катерина работы не боится, — рассудила мать, — где постирает, где сварит мужикам — свои все-таки люди, не чужие. И присмотрят за девушкой, и заступятся, если что...

Однако в жизни все получилось иначе. Привезли куда-то в барак, оставили мужики Катю на узлах и ушли. Больше она их и не видела. Цыгане утащили все пожитки, заботливо уложенные матерью, не оставив ни одной теплой вещицы. Пожалела ее совсем чужая женщина:

— Поехали в нашу станицу, дочка. Будешь дояркой работать: возле молока и сытно и тепло.

Вот так Катя и очутилась в Наваринке. Спорая до работы, она прижилась в казачьей станице. А спустя какое-то время познакомилась с Иваном, своего суженого. И тоже полюбила безоглядно, на всю жизнь. Внешне они были совсем разными: он белокож, русоволос, широкоплеч и даже по нынешним меркам высок — где-то под метр восемьдесят ростом. Она, Катя, — росточка небольшого, тоненькая, черноволосая, черноглазая, смуглая, как цыганка. Он — горячий, работящий, но немногословный, как настоящий казак. Она — непоседливая, веселая, ласково-говорящая. Эта непохожесть, наверное, и сблизила их за годы совместной жизни. Они как бы взаимно дополняли друг друга,

не противоборствуя никогда и полюбовно разделив супружеские обязанности. Он — хозяин, добытчик, кормилец. Она — рулевой и лоцман семейной лодки. В этой маленькой оренбургской девочке, видно самой природой была изначально заложена мягкая женская мудрость и гармония...

Они поженились ранней осенью 1936-го, и в первый семейный свой год трижды сменили место жительства. Сначала — Первомайка, подальше от родительского гнева по поводу неожиданной женитьбы сына. Потом, уже с крохотным сынишкой на руках, вернулись в Наваринку, а оттуда уехали на Флюсовую. Это было в октябре 1937. Анатолию шел пятый месяц.

Казак Иван Рубанов стал работать на напольных печах обжигальщиком извести. Его жена Катерина — стрелочницей на железнодорожных путях станции Флюсовая.

Семья Героя

В 39-м году родился у Рубановых второй сын, Виктор. А в 40-м иванова отца взяли в трудовую армию. В тот же год умерла мать, оставив сиротой трехлетнего Семена. Иван и Катя забрали мальчика в свою семью — так младший брат мужа фактически стал их третьим сыном.

Вскоре призвали в армию и Ивана Рубанова. Война застала его в Латвии. Наши войска отступали. Солдат спешно погрузили в эшелон и повезли под Смоленск, где они должны были держать оборону. Но немецкие самолеты догнали и разбомбили эшелон, и солдаты рассыпались по полю. Самолеты кружили над их головами, словно куражась. С неба сыпались зажигательные бомбы, спелые колосья ржи вспыхивали вокруг жаркими кострами, опалила лицо и волосы, а фашистские летчики сверху поодиночке расстреливали растерявшихся русских солдат...

Иван Рубанов был тяжело ранен в голову. Полгода скитался по госпиталям, а когда в начале 42-го вернулся домой, Катя встречала его уже с четырьмя детьми — Надя родилась в 41-м...

Ему, инвалиду войны, было всего 24 года, а в доме росли трое своих и один приемный сын-брат. Иван Рубанов заново учился ходить, говорить, жить... Что бы стало с ним и его уже немалым семейством, не окажись рядом маленькой, верной, любящей и такой стойкой в беде женщины, его жены Екатерины Михайловны? Даже представить страшно!

Ранение в голову выбило из нормальной человеческой жизни еще недавно здорового и крепкого мужчину. Он то бился в припадках, пугая детей, то вдруг вскакивал и шел неведомо куда, ничего вокруг не видя и не соображая. Пятилетние Толя и Семен бежали следом, едва не теряя отца из виду, пока он, внезапно придя в себя, не останавливался сам. Тогда дети брали его за руки и вели домой...

Жили бедно и голодно, хотя все время держали корову и другой домашний скот, сажали картошку и овощи. Но без хлеба было тяжело, и вместе с соседскими ребятишками Анатолий, Семен и Витя ходили через гору на совхозные поля собирать колоски, постоянно рискуя быть пойманными ретивым обездочником...

Благодаря неустанным заботам Екатерины Михайловны муж постепенно поправлялся. Конечно, новая кость в его черепе не выросла, но припадки прошли. Иван Николаевич устроился работать на конный двор известняково-доломитовой карьера.

В 44-м году родилась дочь Лена, в 47-м — дочь Валя. Отец вновь вернулся на напольные печи обжигальщиком: хоть и тяжелая, грязная эта работа, зато платили хорошо — по тем временам, конечно. Старшие сыновья частенько приходили к нему на работу, приносили бутылку молока да краюху хлеба на обед и не раз видели, как обжигальщики загружали белыми камнями ямы, вырытые в земле, насыпали сверху кокс, затем укладывали дрова. От копоти напольных печей глаза и брови рабочих были словно углем подведены — не скоро смылась эта «краска»...

В 49-м Анатолию было 12 лет, когда родился Миша. В 51-м на свет появился Ленечка, но прожил недолго. В конце 53-го, когда в доме Рубановых уже появился последний ребенок, Коля, Ленечку внезапно «накрыла младенческая» — страшная и

смертельное заболевание детей тех далеких дней...

И снова в тесной двухкомнатной квартирке их осталось десятеро: родители и восемь детей...

Восьмым, как вы помните, был младший брат Ивана Николаевича Семен.

Дети росли друг за другом. И Екатерина Михайловна давно уже свыклась с ролью домохозяйки. Муж работал и приносил в дом деньги, не вмешиваясь в воспитание детей, а она ласково и строго держала в своих маленьких натруженных руках домашнее хозяйство. Сыновья и дочери слушались мать безоговорочно. Она стирала, варила, пекла вкусные плюшки, доила корову, прядла шерсть и вязала ребятам носки и варежки. К Рождеству и Пасхе Екатерина Михайловна готовила детям подарки: дочерям по новому ситцевому платью, сыновьям — по рубашке. Шила их она по ночам, вручную — швейную машинку купить было не на что...

Система воспитания детей в семье Рубановых была проста до предела: безграничные любовь и доверие, но — строгий спрос за обязанности по дому. А обязанностей хватало всем: пригнать корову из стада, наскатать воды из водоклонки, сходить в магазин за хлебом, вымыть полы в доме, ворошить сено на заливных лугах Богатого острова летом, почистить снег у крыльца зимой, посадить, прополоть и выкопать картошку. Ни отец, ни мать никогда на наказывали детей битьем. Лишь как-то раз поймав старшего сына с папиросой, Иван Николаевич молча дал ему подзатыльник.

— С тех пор, как обрезало, — смеясь, вспоминает тот случай Анатолий Иванович. — Так никогда больше и не курил.

Закончив в 53-м году семь классов, Анатолий поехал в город — поступать в ремесленное училище. Хотел стать машинистом экскаватора — в карьере эта профессия была одной из самых почетных и денежных. Но в училище, где готовили экскаваторщиков, не оказалось общежития — а из дома, с Флюсовой, на занятия не наездишься: все-таки десять километров, а ходил между городом и рабочим поселком два раза в сутки лишь так называемый «трудоу» поезд.

Тогда Анатолий понес документы в 13-е училище. Рубанову предложили на выбор профессии доменщика, сталевара или прокатчика, но, оценив его рослую, сильную фигуру, посоветовали учиться на сталевара.

В нем всегда была сильна тяга к учебе. Именно поэтому уже на втором году обучения в ремесленном Анатолий поступил в восьмой класс вечерней школы. В 55-м году он закончил училище и пришел на 26-ю мартовскую печь подручным сталевара, одновременно продолжая учебу в девятом классе. В тот же год после окончания седьмого класса поступил в ремесленное училище второй сын Рубановых — Виктор. Он выбрал профессию слесаря.

Рубановы не только на редкость красивые, но и работящие, доброжелательные, порядочные и веселые люди. Все это в них — от родителей. Екатерина Михайловна и Иван Николаевич. Поэтому, куда бы они не пришли работать, вокруг очень быстро создается такое как бы магнитное поле надежности и взаимного доверия — то, что называется хорошим морально-психологическим климатом. В таком климате комфортно выполняется любая даже самая трудоем-

кая работа. Наверное, именно благодаря этому молодому сталеплавильщику Анатолию Рубанову вскоре стали доверять заменять сталевара и даже мастера печи. В 57-м году, когда он закончил среднюю школу и поступил на вечернее отделение горно-металлургического института, Рубанов уже постоянно работал сталеваром на 27-й печи.

— Вообще это были самые лучшие годы моей жизни, — говорит он с легкой грустью. — Если сейчас вспомнить и с чем-то в своей жизни сравнить, так я, по-моему, самое большое удовлетворение получал именно от работы сталевара. И грязная она, и тяжелая, и прочее. Но нравилась мне она. Огонь — он завораживает. Красиво это очень, когда река горячей стали течет. Сильным себя чувствуешь, просто могущественным... Хотя в те годы аварийность была высокая, не то, что сейчас. Бывало, смены не пройдет, чтобы на какой-нибудь «печке» не случилась авария. То свод раньше времени «сгорит», то пороги захлестнет, то еще что-нибудь. Пот в три ручья, пока устранишь аварийную ситуацию, а на сердце хорошо — дело сделал. И усталости будто не чувствуешь. Я работал с удовольствием, властью все шестнадцать лет. Начал с 26-й и закончил на 35-м двухванном агрегате. Халтуры не признавал. Мы как-то с Бобковым встретились, вспомнили те времена. Да, говорим, сейчас уже так никто не работает. Помню, я старшего мастера подменял. В пятницу за мной машина приехала — забрали прямо из дома и — в цех. Авария была на 31-й печи, чугун ушел в стальную летку. В общем в пятницу вечером меня увезли и только в понедельник вечером я домой приехал. Трое суток практически на ногах провел — ну, прикорнешь где на часок-полтора — и опять в работу...

Институт Анатолий Рубанов закончил в 67-м, через 10 лет после поступления.

— Дело в том, что меня трижды в армию призывали, — поясняет он. — Раньше ведь как было? Повестку в августе пришлют о том, что тебе следует явиться на призывной пункт с вещами в конце октября. Увольняюсь, со всеми прощаюсь, постигаюсь наголо, вечер проводов, как водится. И вот в день отправки на призывном пункте команда: стройся! Иванов, Сидоров, Рубанов — шаг вперед! Шагаю. Отправляйтесь домой, говорят. И так три раза. В трудовой у меня отмечено: уволился такого-то в связи с призывом в армию, а через день — снова принят на работу. Последний раз призывали, когда я уже женатым был...

О том, что ему присвоили звание Героя Социалистического Труда, Анатолий Иванович узнал из газеты:

— Этот день я помню отлично — 22 марта 66-го года. Я пришел с ночной смены, газету из почтового ящика вынул, домой зашел, помылся, поел — и с газетой на диван. А там сообщение опубликовано о присвоении мне звания Героя. А я такой был усталый, что так с газетой и уснул, по-настоящему даже и не осознав ничего. Разговор-то, конечно, был о том, что меня представили к званию Героя. Тогда секретарем парткома был Федор Иванович Пивоваров, он говорил: сложности могут возникнуть, посчитают в Москве, что ты молод для Героя — и все. Мне 28 лет всего было... В общем, сквозь сон слышу: в дверь таранят. Глаза протер, открываю — а ко мне целая делегация во главе с Федором Ивановичем. Цветы вручили, поздравляют, тормошат. У меня бутылка «Старки» была, достаю — мол, давайте отметим такое событие, но они: ни-ни-ни, мы на работе. И ушли. Такой вот момент... (Продолжение следует.)